

«Моцарт дружил с Сальерой.
Она его отравила».

Игорь ЗЛОБИН «Взморье».
«Молодая гвардия», 1967 г.

«Снос верхнего слоя»

Театр «Предел» из Скопина Рязанской области показал на малой сцене академической драмы микс из «Чудной бабы» Н. Садур и «Моцарта и Сальери» А. Пушкина. Соединение в одном флаконе столь разной, разнонаправленной драматургии не могло не дать всему предприятию особенного, странного вкуса.

Тон задала экологически-апокалиптическая фантазия современной постмодернистки, живо напомнившая перманентным мордобоем с применением недозволенных приемов (удушение мусорным мешком, кидание сырой картошкой) Чикатиловскую «Лесополосу». На этом фоне даже целомудренная Пушкинская трагедия смотрелась как еще один вариант некоего девиантного поведения. Вся разница состояла лишь в том, что женский дуэт первой части сменил после антракта дуэт мужской. Поэтому всю постановку можно рассматривать как реплику в споре полов, смешение и намеренное сосуществование феминистского и фаллоцентричного дискурсов.

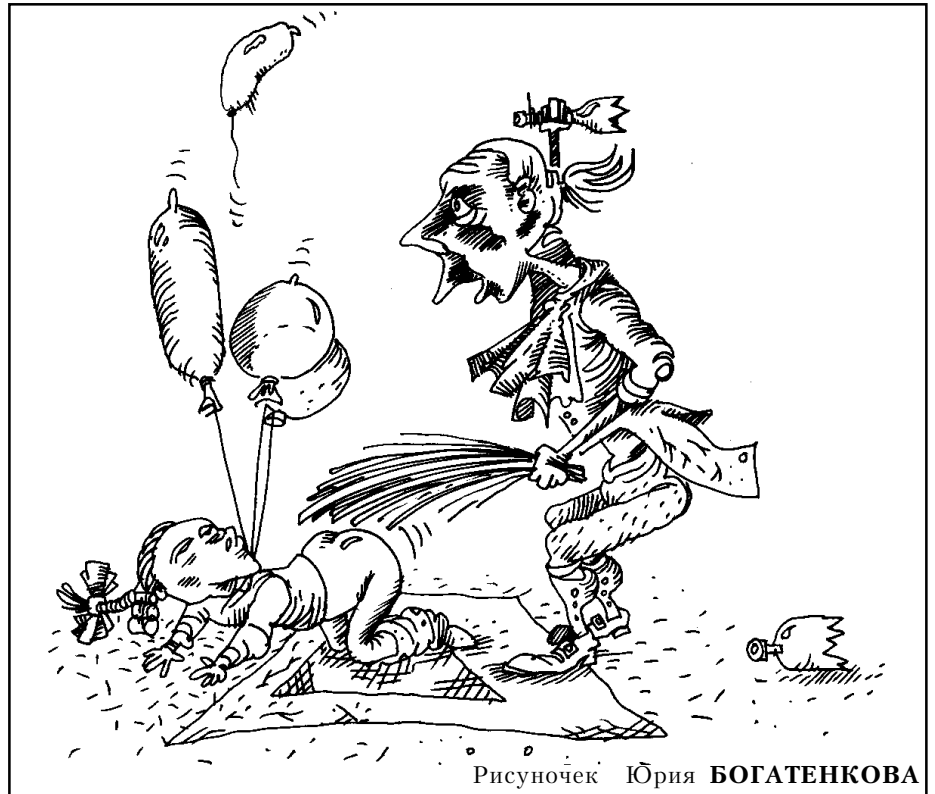
Дружба-вражда мужчин с мужчинами и женщин с женщинами развивается примерно по одному сценарию и с похожим в обоих случаях летальным исходом. Если в «Чудной бабе» есть персонаж, прямо отождествляющий себя с силами мирового зла, то в «Маленькой трагедии» это, понятно, должен быть Сальери. Ан нет!

Слабый и чувственный в трактовке «Предела» композитор не может претендовать на представительство от той силы, что все время вершит добро. Главный злодей здесь Моцарт, которого ни яд не берет, ни битое бутылочное стекло, в которое он лицом падает. Со всем как в фильме «Омен» дьявольские силы показаны в спектакле в виде ребенка, который, как и положено Моцарту, не ведает, что творит. Главной режиссерской находкой (фишкой) фенечкой, по всей видимости, решено преподнести факт участия в спектакле совсем юного артиста, естественно обаятельного и живого.

Природа творчества в трактовке скопинских артистов оказывается не так привлекательна и «духовна», как это принято думать. Бедный-бедный Сальери, «святая к музыке любовь», нам бы его проблемы!

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ
(«Культура»)

Весть об этом спектакле Скопинского театра обогнала «Театральные опыты» на несколько месяцев. Главный режиссер академического театра драмы Наум Орлов, вернувшись с всероссийского пушкинского фестиваля в Пскове много и восхищенно рассказывал о постановке провинциального театра, в котором роль Моцарта играл молодой мальчик, сын режиссера. Понятно, что присутствие на сцене совсем еще юного существа кардинальным образом меняло смысл одной из «Маленьких трагедий». Идея эта так понравилась некоторым горячим головам в режиссерском стане, что появилась вполне реальная идея поставить аналогичный спектакль здесь. Теперь, однако, это будет вряд ли возможно. Как пояснили создатели спектакля, идея привлечь ребенка, пришла случайно — читали-пробовали, понравилось, попробовали... получилось. Хотя следует сказать, что тогда, в Пскове, играли только пушкинскую часть спектакля. В Челябинске к ней добавилась еще и «Чудная баба» Нины Садур, что развернуло спектакль еще на сколько-то градусов в сторону от первоисточника (как одного, так и другого).

Рисуночек Юрия БОГАТЕНКОВА

Детская радость

Использование детей в кино, театре или шоу-бизнесе нужно преследовать по закону или, хотя бы, ограничить КЗОТом. Даже последний выпускающий «Вечернего Скопина» знает, что дети, домашние животные и букеты полевых цветов являются беспроблемным ходом при составлении рекламных объявлений и предвыборных плакатов. Розовощекие пупсы наступают. Миша Филипчук в «Воре» индугировал гадливого хулигана, де Каприо, который, к всеобщей радости потонул было с «Титаником», всплыл в образе Ромео, из бассейна, рядом с балконом Джульетты. Скопинский Моцарт (сколько ему — десять? Одиннадцать?) играет с

напором Макколея Маккалкина, самого высокооплачиваемого ребенка Голливуда, Майклу Джексону он бы понравился. Нашим повзрослевшим Лолитам тоже — они радостно следили как расхождение Пушкинского текста и придумки авторов с пацаном в роли Моцарта порождало массу комических эффектов. «Так может это сказка злой, завистливой толпы?» Обхохочешься. Но не спектаклем единым жив человек. И вот мальчик, игравший Моцарта, вырастет, что дальше? Кто виноват и что делать? Куклу отдадут соседке? Кукла Маша не плачь, кукла Таня не плачь-не плачь, кукла Моцарт тоже не плачь.

Федор ГУНДОС («Команда»)

Ведьма и Моцарт

Нина Садур и Александр Пушкин в театре «Предел» (город Скопин)

Фестиваль — это еще и географические открытия. Как еще узнаешь, что город Скопин — это не Польша и не Югославия, а прямо-таки Рязанская область. Теперь запомню, потому что запомнил театр с именем «Предел». Имя режиссера Владимира Деля поставившего «Чудную бабу» Нины Садур и «Моцарта и Сальери» Александра Пушкина и сыгравшего роль Сальери и сына режиссера Илью (на вид — лет одиннадцать), который был Моцартом.

Но сначала о «Чудной бабе». Садур — взаправдашняя ведьма, что общеизвестно. Без ведьминского потустороннего, иного знания о живом и неживом ее пьесы лучше не играть, совпадения не получатся. У Молодежного театра из Улан-Уде (недавно гастролировал в «Манекене») получилась пьеса «Замерзли», потому что у них есть актриса, похожая, как сестра-близнец, на саму

Нину Садур. А у скопинцев есть «чудная баба» — Ирина Зыкина, умеющая играть так, что становится страшно (а это труднее, чем рассмешить). В историю, которую она разыгрывает вместе с Еленой Талалаевой, попадаешь, как под поезд. Все стремительно, без предисловий и лирики. Заглянул за эту грань и будь счастлив, что спасся. И благодарен режиссеру и актрисе за бесстрашие.

Моцарт-ребенок — это внушало опасение (я вообще не люблю вундеркиндов). Но ведь все дело в том, как сделано, господи, как сделано. «Предел» — театр точной, очень осмысленной и убедительной режиссуры. Где театр жестокости соседствует с театром нежности. Фредди Меркьюри с «Реквиемом», гениальное неведение ребенка с мудрым всезнанием отца. И какое легкое дыхание у этого театра.

В.С.

**На сцене — три актера,
Три зрителя — в партере,
И все равно без спора —
Успех!
(По крайней мере).
Глядят на сцену бдительно
И рвением горят
Почти полсотни критиков
И три богатыря.**

Лев МУХИН

Садур

Садизм

Самокопание

САВременная

(Драматургия!)

Съели?!

Театральный фольклор

Пыльная работа

Аркадий Кац, поставивший недавно в Академической драме понравившуюся многим «Марию Стюарт», выразился как-то в том смысле, что, раздевая актера на сцене, режиссер переключает внимание зрителя на его босые ноги. Тут уж не до эротики, опасность, таящаяся для них в плохо забитых гвоздях и занозах, которых всегда полно на сцене, очевидна для

самого неискушенного зрителя.

В двух скопинских постановках «негигиеничного» столько, что «Титаник» с его купаниями в ледяной воде среди айсбергов, отдыхает. Сперва блаженная Тетенька Зло берет в рот грязную картофелину. Затем с какой-то inferнальной меткостью посылает все тот же продукт в голову симпатичной горожанки. Потом извините, ест этими же руками вареное яйцо, выловленное в кармане бушлата. И я уже готов кричать «Верю, верю!» но это не все, в ход идут удущенья, валяния по сцене, тумачи и даже полиэтиленовая пленка из набора судмедэксперта.

Понимаю, конечно, всем сейчас тяжело. Но детей то за что? Маленький Моцарт — несомненно, редкий озорник, и его папе Сальери, конечно, сочувствуешь. Но мой абстрактный гуманизм сезонно обостряется к первому июня. Битое стекло, в которое мальчика тычет головкой, в

такой ситуации кажется явным перебором. Зюганова и того было бы жалко. А мне было бы очень жалко себя, если б «розочка» из битой бутылки, которой крепкий хозяйственник Сальери размахивал как шашкой, выскользнула бы из его музыкальных рук.

Известный философ и историк культуры Ортега-и-Гасет еще в начале века разоблачал контрабандные пути традиционного искусства, апеллировавшего к человеческим, нет не чувствам, но плотским ощущениям — вроде физических мучений героя. Или наоборот, теплым солнечным лучам кисти Шишкина. Не послушались испанца — получили «мыльные оперы».

А впрочем тотальная гигиена — это немного скучно. Пыль, соединяющая две скопинских серии (в «Чудной бабе» — от удара мешком по спине девушки, в «Мацарте и Сальери» — как сублимация порки о кресло) весьма и весьма выразительна. Может потому, что она легка и необязательна?

Я. ГАЙВАРОНЦЕВ,
«Челябинский рабочий»

